

18+

Олег Моисеенко

СОСНА
У ДОРОГИ

Олег Моисеенко

Сосна у дороги

«Издательские решения»

Моисеенко О.

Сосна у дороги / О. Моисеенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511772-4

Большие потрясения не миновали крошечную белорусскую деревню Однобочку. Кажется, ни одна беда не обошла стороной горстку ее жителей. Война, партизанское движение, предательство и мужество, любовь и смерть, трудный выбор и смелость его отстаивать. Невозможно оторваться от страниц книги: автору удалось создать своих героев живыми и многогранными, их переживания и размышления, страдания и стремление к счастью увлекут читателя. Ведь они рассказывают о таком еще недавнем прошлом большой страны.

ISBN 978-5-00-511772-4

© Моисеенко О.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	13
Глава пятая	18
Глава шестая	21
Глава седьмая	24
Глава восьмая	28
Глава девятая	30
Глава десятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сосна у дороги

Олег Моисеенко

Редактор Екатерина Долгова

Корректор Елена Кулыгина

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Олег Моисеенко, 2020

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-1772-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

...В этом месте некогда многоводная Титовка делала крутой изгиб, как бы устремляясь к лесу и разрушая довольно высокий пригорок. На пригорке и притулилась одной улицей, около трех десятков дворов, деревенька Однобочка. Дворы огородами прижимались к лесу, а хатки смотрели на речку, будто пытаясь разглядеть, что там вдали за рекой, и первыми встретить восходящее за разливыми лугами солнце. Мимо хат тянулась грунтовая дорога, за которой начинался косогор, спускавшийся к небольшому лужку.

Так как хаты стояли только по одну сторону улицы, по-видимому, ее и назвали Однобочкой. Дворы располагались как им хотелось, не притесняя друг друга, а иные заполняли и промежутки между изгородами. Изгороди были устроены причудливо – разными и по исполнению, и назначению. И если какого хозяина спросить, почему он поставил так свою хатку, а не иначе, можно услышать ответ, что так безопаснее, вдруг, не дай Бог, пожар или еще какая напасть, вот тебе и преграда, а другой скажет, а как же спастись от потравы коровами, овцами да свиньями, которые проходили мимо огородов, когда их гнали на пастбище, каждый мог сказать что-то только ему известное в свое оправдание.

Иной любопытный человек может задать вопрос: «И что заставило людей здесь поселиться?» До города – не ближний свет, надо ехать до следующей деревни Гребени, а там через речку по деревянному мосту и еще верст тридцать с гаком по грунтовой и шоссейной дороге. Если ехать в другую сторону, то грунтовая дорога тянется вдоль речки, весной и осенью в слякоть бывает непроезжая, а местами еще и непроходимая, и так до Лесного, а там через лес до следующего районного центра. Земли здесь в основном песчаные, на которых хорошо рос лен, да и зерновые порой были неплохие. Зато пастбища для скота и заготовки сена – раздолье! Может, это и привлекло людей, да еще лес, богатый грибами, разными ягодами, орехами, который тянулся аж до самой пуши. Конечно, звала сюда и речка Титовка, извилистая и гонористая в весеннюю распутицу, но богатая рыбой.

Одна хатка с огородом стояла совсем на отшибе, в стороне от дороги, плотно прижавшись к сосновому лесу, густо поросшему на опушке лоштинником. Та сторона хатки, что ближе к деревне, была выгорожена плетнем, за которым виднелись старые дощатые ульи да росла груша дичок, которая каждую весну была в цвету. Плетень был сделан, как говорили, с душой и сразу привлекал к себе взгляд проходящего мимо путника. Ровные столбики, плотно подогнанные прутья из различных пород деревьев образовывали причудливые узоры и радовали глаз. Немало людей, кто вслух, а кто и про себя, говаривали, глядя на эту красоту: настоящий мастер делал! От плетня тянулся забор из штакетника, он переходил в калитку и ворота, плотно сбитые из сосновой дранки, а дальше огород окаймлял забор из жердей. Видно, не было надобности сооружать что-то другое, так как маленькие грядки лука, укропа, чеснока и нескольких кустов картошки не очень привлекали проходящую по дороге живность. Если подойти поближе и походить по двору, то можно было сказать, что не хватает здесь женской руки. Оно и правда, Остап уже давно жил один. Старался содержать свое немногочисленное хозяйство и двор в аккуратности и порядке. А хозяйство – это петух да несколько кур, да еще рыжий кот с угрожающей мордой и пятнистая пушистая кошка. Спроси Остапа, сколько лет живут эти кот и кошка, он пожмет плечами и ответит: «Да сколько себя помню». И его ответ будет соответствовать истине, потому что другие коты к этому двору близко не подходили, будучи не раз исцарапаны и изодраны рыжим хозяином двора. Да и он не однажды еле приползал с чужих дворов, где ему попадало и от хозяев, и от своих собратьев.

Во дворе Остапа, как и в других усадьбах, было гумно у самого леса, сарай, дровяник и маленькая баня. К бане Остап пристроил небольшой навес, который был защищен с трех сторон от дождей и ветров. Здесь и проводил в основном время хозяин, это было место, где

он мастерил, а в летний зной днем отдыхал. О способностях Остапа мастерить в Однобочке расскажет каждый житель, да и не только в Однобочке. Это был мастер плести корзины и корзинки, коши и кошелки, плетни и циновки, детские подвесные и качающиеся люльки и многое другое, что ему вдруг приходило в голову. Плет он из лыка, прутьев ивы, лозы, веток молодой березы, да и любого дерева, которое встречал, блуждая по лесу или по берегам Титовки. Его баня часто топилась не только по субботам, а и в будние дни. «Остап опять колдует что-то со своей лозой», – поговаривали в деревне. Он был немногословен, больше, можно было сказать, угрюм. О своем товаре ничего не говорил. Зато покупатели, а их было немало, говорили восторженно и радостно: «Какая же легкая да ловкая получилась у тебя корзина, Остап», – и добавляли: «Непременно возьмем ее, вот подарок-то будет!»

В каждом дворе Однобочки было по несколько грабель, которые смастерил Остап, необычно легких, прочных и, как отмечали заезжие городские жители, никогда не натиривших мозолей. Заказ на изготовление грабель Остап принимал зимой, позже уже он был занят другими делами и только по большой просьбе или по какому-либо исключительному случаю мог отдать грабли из своих неприкосновенных запасов.

К Федору, что жил в самом центре деревни, возле избы-читальни, в которой разместились все органы местной власти, культуры и начальной школы, приехали издалека родственники. И так понравились им грабли и корзины для картошки, что тому пришлось идти и просить Остапа непременно сделать такие же. Федор шел к Остапу с неохотой и все придумывал, какие он будет приводить доводы, чтобы Остап взялся выполнить его просьбу. Остап был в своей мастерской, они поздоровались, он молча выслушал Федора, приподнял пальцем опущенный на глаза с широкими полями бриль – шляпу, которую сам сплел из соломы, – усмехнулся и неожиданно для Федора промолвил:

– Раньше завтрашнего вечера не сделаю, – подал руку для прощания и, махнув рукой, добавил:

– Гроши мне не неси.

С тем и ушел Федор домой, озадаченный сговорчивостью Остапа. А вечером следующего дня в мастерской перед Федором стояла пара граблей и корзины, накрытые брилем.

– Пусть будет это в радость твоим гостям, – только и сказал Остап. Федор осмотрел сделанное Остапом, достал из своей корзинки глиняный жбан с молоком, поленицу испеченного женой хлеба и кусок сала, завернутый в холстину, также молча все поставил на верстак, что был в мастерской. Присел на колоду и заговорил:

– А давай, Остап, я тебе буду приносить, что жена приготовит и сложит в корзину, а гроши мне тоже не надо.

Остап сидел на плетеной табуретке, сложив на колени руки с тонкими и длинными пальцами, и продолжал молчать. Наконец, хлопнув ладонью по колену, произнес:

– Без грошей брать не буду, назначь свою цену.

Федор понял, что так оно и будет, и назвал цену. Пожав друг другу руки, они разошлись, и с того дня между Федором и Остапом сложились непонятные для жителей Однобочки отношения. «Вот ты скажи, чем так полюбился Федор Остапу», – судачили деревенские бабы, а потом в деревне к этому привыкли, и если надо было решить с Остапом, казалось бы, неразрешимую проблему, сразу шли к Федору, а тот уже сам говорил, будет ли просить Остапа или нет.

Глава вторая

В деревне Остап числился единоличником. Когда образовывался колхоз, сколько к нему ни приходили агитировать вступать, он отвечал коротко: «А какая с меня будет в колхозе польза, хозяин я никакой, у меня все хозяйство жена ведет, а коши могу плести и без колхоза». Портит своей несговорчивостью Остап отчетность руководству колхоза, а поделаться с ним ничего не могли, был он со своим ремеслом очень нужным человеком не только для Однобочки, но и для всей округи. Два его сына, старший Демид и младший Колька, никак не походили характерами на Остапа, и сколько ни прикладывал Остап усилий научить их работать с прутьями и лыком, ничего не получалось. Тянулись сыновья больше к учебе и книжкам.

Взял как-то Остап старшего сына Демидку на заготовку прутьев, тот отошел в сторонку, будто прутья рубить, присел, достал книгу из-за пазухи и стал читать. В обед Остап подходит посмотреть на работу сына, а Демидка сидит, не отрываясь, книжку читает и отца не видит. Такая вольность детей по отношению к работе очень не поощрялась старшими в деревне, не будет с такого чада толку, выносился суровый приговор тому вольнодумцу, а от более суровых родителей можно было быть битым нещадно. Остапа зло охватило, он как держал в руках срубленную тонкую березку на грабильню, так и замахнулся ею, чтобы б ударить по спине, а Демидка, не шелохнувшись, продолжал читать. Плюнул Остап, отбросил ту березку, только и сказал «Видно, не будет с тебя толку». Демидка вскочил, смотрит испуганно на отца, а тот, не оборачиваясь, схватил вязанку прутьев и зашагал в сторону деревни. Тогда запала обида у Остапа на старшего сына, словно стена появилась между ними, стена из прутьев. Вскоре в деревню прислали учителя по фамилии Миллер, Демидка сдружился с ним, начал ходить к нему на занятия и почти все вечера проводил в избе-читальне. Учитель хорошо знал немецкий язык, и вскоре старший сын Остапа на удивление односельчан мог говорить на том немецком языке. Разлетелись слова учителя по деревне, что Демидка имеет большие способности к познанию иностранных языков, и долго это обсуждалось.

А у Остапа не получилось и младшего сына Кольку увлечь работой с прутьями. Колька помогал прутья готовить, пробовал плести из них простые корзинки, но делал это торопливо, скорее бы закончить и бежать к своим сверстникам или сесть за книгу.

Во всех делах на улице Колька избирался командиром, командовал красными, когда играли в войну или когда маршировали, направляясь к избе-читальне, чтобы украсить ее к очередному празднику. Однажды, когда уже дневная жара спала, в деревню въехала странная телега, запряженная парой лошадей. На телеге впереди, на невысокой лавке, сидел тучноватый мужчина в странном с высоким верхом бриле и правил лошадьми. Позади него возвышалась разукрашенная кибитка, разукрашенными были и гривы лошадей, и дуга с колокольчиком над коренным. Телегу сразу окружила детвора, и понеслись по деревне их веселые и радостные возгласы:

– Циркачи приехали, циркачи приехали!

Тот, что сидел впереди, остановил лошадей, приподнял высокий черный бриль и как-то смешно спросил:

– А где находится ваше знаменитое культурное заведение?

Эти слова вызвали такой хохот детворы, что лошади затанцевали на месте, что еще больше прибавило веселья. Пока телега, сопровождаемая криками и смехом, двигалась к избе-читальне, весть о приезде циркачей облетела всю Однобочку. Не прошло и часа, как телега превратилась в площадку, на которой стояла раскрашенная в цветочки будка, а кибитка – в красивый домик, в котором вместо двери висела цветастая штора. Вокруг было не протолкнуться, ближе всех расположились прямо на земле мальчишки, где завидное место занимал Коля. Взрослых тоже собралось немало, а когда заиграл граммофон, собралась уже вся

деревня. Мужчина, что правил лошадьми, оказался главным, все показывал и рассказывал собравшимся. Часть жителей Однобочки была в полном недоумении, а часть пришла в неописуемый восторг, когда главный циркач открыл дверку в будку, а та оказалась без задней стенки, так что стала видна стена избы-читальни. Впрочем, циркач тут же закрыл дверку, раскланялся, произнес смешные слова приветствия:

– Але оп, – и открыл снова дверку будки, а оттуда вышла худенькая, ростом с Колю девочка в пятнистом одеянии. Она развела руками, тоже поклонилась и вдруг перевернулась колесом с ног на руки в одну сторону, потом в другую. Вокруг поднялся такой восторженный шум, смех, что залаяла собака у Ивана Стецова, что было событием диковинным. И весь этот шум уже не стихал до самой темноты.

В первый момент среди зрителей возник нешуточный спор, откуда взялась девочка в будке, если ее там не было. Пришлось главному циркачу повторить все сначала, но от этого спорщики только укрепились в своем мнении. Одни говорили: она не настоящая, это кукла, а другие доказывали, что она настоящая, ибо говорит человеческим языком, а вот откуда она взялась, и для первых, и для вторых оставалось загадкой. Коля же был заворожен красотой девочки и все представление не сводил с нее глаз, а ее перевороты через голову с ног на руки вызывали у него такое изумление, что он забыл, где находится. В конце этой забавы его поразила второй взрослый мужчина, который подбрасывал и ловил гири, более десяти раз отжимал каждую рукой, клал две на шею, так кланялся собравшимся, потом откладывал гири и делал прыжок назад через голову и тут же снова вставал на ноги.

– Вот это силач, вот это да, – раздавался хор голосов односельчан. Коля тоже вскочил со своего места и, пораженный прыжком, закричал во весь голос:

– Силач, силач! – он даже на некоторое время забыл о девочке и испытал некий стыд, когда она вышла из-за шторы домика. Был на представлении и Демидка, ему уступили место друзья Коли, неподалеку от брата. Он тоже радовался и смеялся, но замечал, что многие трюки циркачей построены на уловках и небольших хитростях. Когда главный циркач открыл дверку будочки и оттуда вышла девочка, Демидка очень удивился, а когда второй раз открыли дверку, он заметил, что девочка стоит сбоку в будочке и закрыта дверкой, которая становилась тыльной стороной, когда девочка выходила. Он даже заметил кусочек ткани ее костюма, зажатой той, второй дверкой. Потом Демидка пытался это объяснить Коле и его друзьям, но ему не верили.

Разошлись все в ночи. Утром председатель собрал правление колхоза, и было единогласно решено выделить циркачам из скудной колхозной кассы два рубля, а часть дать им натурой что кто может. Циркачи были не в обиде и оставили седьчанам на память незабываемые трюки и высказывания. А Коля на зависть своей команды на третий день после отъезда разукрашенной телеги сделал прыжок переворотом через голову назад. Он с трудом удержался на ногах, балансируя руками, но устоял под возгласы своих друзей. Через несколько дней это получалось у него не хуже, чем у силача. Еще долго в его памяти возникал образ необычайной красоты девочки, и в один из вечеров, возвращаясь домой, он произнес негромко:

– Вырасту, найду ее обязательно.

То не было клятвой, то был порыв души паренька, которому жизнь казалась бесконечной и радостной. Она захватывала Колю в свой круговорот, приносила все новые и новые открытия, радости, разочарования. И образ силача, и образ девочки постепенно стирались из памяти подростка.

Отцовские занятия не занимали его, он старался помочь, но однообразная работа с прутьями, лозой скоро ему надоела и вызывала раздражение. Он считал, что отец своим занятием позорит его, Колю, в глазах его друзей, работает одиночкой, а друг Сенька так даже сказал:

– А твой тата чем-то похож на кулака.

Тогда Коля яростно защищал отца, доказывая, что он никакой не кулак, а даже очень полезный человек в деревне. С этим спорить было трудно, но слова друга занозой засели в душе. С тех пор Коля все реже и реже стал помогать отцу. А по деревне пошла молва, что сыны не в Остапа удались, больше в книги да в разные гульни кидаются, а что те книги дадут? Другие жители Однобочки говорили, что у Остапа растут толковые сыны и выйдут из них грамотные люди. А до Однобочки добрался всеобуч, по деревне стали маршировать пионеры, клеймили попов и церковь, по субботним и воскресным вечерам в избе-читальне было не протолкнуться, да и в будние дни приходил туда всякий деревенский люд.

Вокруг в жизни происходили такие перемены и изменения, которые Остап не мог охватить своим умом, и они у него вызывали тревогу, а порой и страх. Не раз при встрече с односельчанами заходил разговор о переменах и заканчивался он словами: «Это все к добру не приведет, а дети – те совсем отбились от рук и неизвестно, что из них получится». Анисим, помогая Остапу переносить прутья, говорил, что все учеными хотят стать, книжки читать стали, а кто косить будет, кто жито жать будет, и махал рукой, выказывая никчемность таких устремлений у молодежи. Остап, слушая односельчан, поддавался их настрою, и тогда возникала внутри тяжелая злоба на сынов. Успокоение и радость приходили, когда он брал беленькие и гибкие без коры прутья и начинал их заплетать. Остап в первый момент не знал, что получится, а руки сами начинали складывать и плести возникающие узоры. Дыхание его становилось спокойным, порой казалось, что он не дышит, а то он вдруг начинал мурлыкать только ему ведомую песню, то губы его шептали непонятные слова, как будто он разговаривал сам с собой. В такие минуты возле Остапа мог находиться только Анисим, и то, когда его гармонь издавала любимую мелодию.

В один из осенних вечеров Остап топил баню и запаривал прутья и лыко в дубовой бочке. Он уже сидел в предбаннике, потный, в подштанниках, длинном фартуке и суконных рукавицах, и сортировал горячие прутья, когда туда вошли Демидка и Коля. Остап, увлеченный работой, от неожиданности вздрогнул и недовольно посмотрел на вошедших сыновей. И тут же почувствовал, что пришли они не зря. Он крикнул, отложил в сторону отбракованные прутья, давая понять, что он готов их слушать. Переминаясь с ноги на ногу, заговорил Демид, глаза его стали круглыми, на лице выступил пот, видно было, что он сильно волновался.

– Тата, мы будем вступать в комсомол и будем готовиться поступать на рабфак, – промолвил он и замолчал, не сводя глаз с отца. Колька тоже стал переминаясь и добавил:

– Подготовимся и поедем учиться на рабфак.

– Вон чего вы удумали, а чего откладывать, сейчас и езжайте поступать на этот рабфакт или как его там, и в комсомол свой там вступайте, проку от вас мне никакого, – распаясь, перешел на крик Остап.

– Тата, мы хотели разрешения попросить, – несмело промолвил Демидка.

– А чего меня спрашивать, я же безграмотный, а вы вон какие грамотеи! Вдруг в разговор вклинулся Коля, лицо его вытянулось, он весь покраснел и выпалил:

– А в деревне говорят, что ты, тата, живешь как кулак, одиноличник и тебя надо раскулачивать.

Не сдержался Остап от таких слов, потом и не помнил, что кричал и что делал. А жена сказала, выгнал сыновей из дома. Они и впрямь ему на глаза не показывались, да и Остап ушел надолго в лес, а когда появился в своей баньке, к нему зашел Антось. В тот вечер долго издавала его гармонь негромкие и жалостливые звуки. А вскоре Демидка и Коля уехали поступать на рабфак и появились на подворье перед призывом в армию.

Глава третья

Потом, когда с потугами начала налаживаться колхозная жизнь, они с женой заговорили, что надо будет делать, как все люди делают, вот по осени и вступим в колхоз, договорились они. Только получилось все по-другому. Неожиданно не стало жены, а два сына Остапа проходили службу на дальних рубежах страны. Вот и остался Остап один.

На третий день после похорон привел он всю свою живность, кроме курей и петуха, на колхозный двор и там оставил, а заявления о вступлении в члены колхоза «Рассвет» писать не стал. Так и непонятно было для односельчан, колхозник он или нет. У местной власти он числился в колхозе, но продолжал жить, как и жил раньше. Смерть жены еще больше отдала Остапа от людей. Теперь большую часть времени он проводил в лесу, можно было видеть его возле речки, на покосах, но людей он сторонился. Сыновья его на похороны не приехали, письма от них приходили редко, можно было подумать, что они забыли и совсем оставили своего отца.

Однажды в деревню на машине с открытым верхом приехали два военных и один гражданский, расспросили, где живет Остап, и поехали к его двору. Для Однобочки это было событие долго обсуждаемое, вызвавшее множество догадок и самых разных предположений, а для мальчишек необычайным чудом стала машина, которую они обступили плотным кольцом, пока военный и гражданский разговаривали о чем-то с Остапом. Водитель оказался веселым и разговорчивым, но к машине никого не подпускал, взрослые все это рассматривали через ограды своих дворов. Разговор в хате Остапа длился, может, полчаса, потом приезжие вышли из хат, Остап открыл им калитку и оставался стоять во дворе, пока машина не скрылась из виду.

О чем шел разговор, зачем приезжали люди из города, так и осталось тайной для Однобочки. Но после того случая Остап стал иногда встречаться с людьми, навел во дворе и хате порядок и поддерживал его, одним словом, жизнь для него приобрела некий смысл. Да и сама эта жизнь в деревне стала другой, затухли разговоры о колхозе, было видно, что гуртом легче засеять поле, дружно односельчане выходили на покос и сеноуборку, в колхозе появилась конная жатка, в своих дворах – свиньи, овцы, а у некоторых телята. А там вскоре образовалось стадо коров и их пасли вначале поочередно, а потом подрядился в пастухи Юрка Власихин, что жил на том краю деревни.

В избе-читальне почти каждый вечер было людно, собиралась в основном молодежь, а в субботу были танцы, и тогда можно было видеть там почти всех односельчан. Кто постарше, те усаживались на скамейках на улице. Там начинались разговоры насчет погоды, про грибы и ягоды, но заканчивались они бурно, про политику. Тогда часто можно было услышать слово «Испания», оно почему-то связывалось с песней, которая начиналась словами: «На границе тучи ходят хмуро», пели ее в основном парни, а девочки замолкали и становились задумчивыми и даже грустными. Эта песня очень нравилась мальчишкам. Бывало, разворачивались и серьезные разборки, которые доходили до ругани и крика на всю Однобочку, тогда жди, что наиболее горячие доведут дело до драки. Отличался этим Федька Стецов, он как разойдется, не остановить, трещит забор у соседа, чей двор рядом с читальней, вот тогда брались мужики в годах и наводили порядок. Федька, он как мячик, круглолицый, волосы рыжеватые, вьющиеся впереди, плечи покатые, руки короткие, но сильные, не было такого дерева в округе, на которое он бы не влез, не было в деревне такой яблони, с которой он не попробовал бы яблок, еще в пору, когда они совсем зеленые и кислые. «Ох и сын же у тебя, Иван, сорви-голова, да и только», – часто выговаривали односельчане Ивану Стецову за его сына. Сам Иван тоже был невысокого роста, такой же круглый, но еще большую округленность ему придавал живот. Неспешно Иван начинал оправдывать своего сына:

– И в кого он такой только удался, у нас в роду все были спокойные: и деды, и прадеды, и у женки тоже в роду таких не замечалось, а вот прикрикну на него, и сразу слушается, могу и подзатыльник дать, боится меня, знает, с кем дело имеет.

Было одно важное обстоятельство, которым отличалась Однобочка. Здесь родителей и старших почитали и уважали, мало кто называл старшего по возрасту на «ты». Многие даже своих родителей величали на «вы», поэтому шум скоро затихал. Совсем несогласные уходили обиженными к своим дворам, а кто был поспокойнее, жали друг другу руки и танцы продолжались. Гармонь в Однобочке была только у Антося, поэтому не обойтись без него на любом веселье, свадьбе, зимой в Коляды на посиделках и, конечно, на танцах. Репертуар музыкальный в разных случаях имел отличия незначительные, разве что порядком исполнения тех музыкальных произведений, которые знал Антося. Случись, не дай Бог, Антося приболеет, всяк старается ему помочь, кто делом, а кто словом, а если в отъезд он собирался, то приходилось ему объяснять чуть ли не каждому односельчанину, зачем он едет, куда и когда вернется. А если Антосю нужна была помощь, ему никто не отказывал.

С Антосем в дружбе был Остап. Дружба эта началась давно, еще до женитьбы Остапа. Антося приходил к Остапу, когда тот собирался идти на заготовку прутьев. Однажды пришел с гармошкой, и они начали разучивать песню, слова которой напел Остап. Антося никак не мог подобрать к ней музыку, но однажды у него получилось. После того дня Антося стал ходить в лаптях, которые ему отдал Остап. Это были чудо-лапти, на загляденье, и ни у кого таких не сыщешь во всей округе, а может, и за границей, как выразился Петька Воронин. Хромовые сапоги Антона Барыля, самого зажиточного в Однобочке человека, не могли сравниться по красоте с теми лаптями.

Петька Воронин, тот предлагал Антосю за лапти поросенка. В деревне все знали, что за балабол этот Петька, поэтому ему было отказано в самой неприличной форме. А вот примерить лапти Антону Антося все-таки дал, тот долго возился с ними, прилаживая к ноге, а когда аккуратно заправил штанины своих брюк и сделал напуск на тонко сплетенные оборочки, было чем полюбоваться, и любовались собравшиеся вокруг односельчане. Антон прохаживался взад-вперед, ставил ногу на пятку и улыбался радостной детской усмешкой, видно, ему очень хотелось иметь такие же лапти. Он, может быть, даже глубоко в душе соглашался обменять их на сапоги, ну, а что скажут люди? Не дурак ли он, лапти на сапоги менять! И, отбрасывая эту мысль, он стал рассупониваться, снимать, значит, лапти. А Антося стал приходиться к Остапу, когда тот, подготовив прутья, приступал к творению, начинал плести свои кошелки, корзинки и много еще чего. И пела на тех встречах гармонь мелодию, доселе не слышанную в деревне. Остап слушал ее молча, закрыв глаза, длинные пальцы его рук обхватывали и гладили колени, словно шерсть мурлыкающего рыжего кота. Домой Антося шел в новых лаптях краше прежних.

Глава четвертая

Война, словно летняя гроза с бурей, Однобочку обошла стороной, бои гремели у моста в Гребенях да на той стороне Титовки. Там ближе к ночи был слышен грохот, но не гром грозы, видны были вспышки зарев, но не молнии. Мирная жизнь делала крутой поворот, почти не стало в деревне мужчин, остановились полевые работы в колхозе, возникло ощущение у однобоковчан ненужности и мелочности бывшей до этого деятельности. Зачем сено заготавливать, кому оно надо будет теперь. Плач, который стоял в первые дни отправки односельчан в армию, затих, вместо него к пожилым пришел страх, как оно будет, а к молодым – восторг: вот сейчас побьют этих фашистов, а мы не успеем на такое героическое дело. Сколько бы продолжалось это чувство страха и восторга, неизвестно, если бы не одно событие.

Стоял жаркий и душный день, ночью гремела гроза, а утром было солнечно и парко, в такую погоду хотелось побыть в тени и просто помечтать и отдохнуть. Иван Стецов пообедал и вышел во двор под поветь, куда не попадали лучи солнца и было прохладно. Он сел на привычную для себя колоду, достал кيسет с табаком и стал делать самокрутку, была у него такая привычка после обеда покурить и прилечь на лавке, у стены. От наплывавших мыслей его отвлек лай собак, который был каким-то другим, непохожим на обычный лай. Был это непонятный то ли шум, то ли топот, то ли гул, то ли мычание стада неизвестных животных. Иван встал, отложил самокрутку и, крадучись, подобрался к калитке. Калитку он не стал открывать, а, облокотившись руками на жердь забора, удобно устроил сильно выступающий и оттягивающий вниз живот и стал наблюдать за дорогой. Там, напротив двора Остапа, где дорога поднималась вверх и делала поворот, появились люди. В первый момент Ивану показалось, что они тащат за собой под гору что-то очень тяжелое и у них почти нет сил втянуть эту тяжесть на ровную дорогу. Шли они шеренгой, головы, плечи и руки опущены, шаг их медленный и сбивчивый. За первой шеренгой показалась еще одна, и еще, и еще. Вначале Иван, не шевелясь и не дыша, стал считать эти шеренги, а потом в голове наступила пустота, шеренги, словно тени, сменяли друг друга, двигаясь мимо. На какое-то мгновение пустота исчезла, в одной из шеренг промелькнуло что-то знакомое и родное, сердце заколотилось, хотелось сесть, а мысль носилась вверх и вниз и тревожно говорила: это же сын, сын Федька. Та шеренга уже скрылась, наплывали другие, и казалось, им нет конца. Это не может быть Федька, заговорило все внутри, и тут только Иван увидел военных с автоматами и услышал лай собак, пришло понимание, что это немцы, только было непонятно, кого они ведут и куда. Окончательно Иван пришел в себя, когда у колодца, из которого брали воду для питья ближайшие соседи, раздались выстрелы и крики, громче залаяли собаки, послышались непонятные слова, а двигающаяся толпа колыхнулась, смешалась. Снова раздались выстрелы, и шеренги стали обретать прежний вид, кого-то тащили за руки и пытались поднять на ноги, он пытался встать, но тут же повисал на руках у таких же уставших и хмурых людей в военной форме. Колонна по Однобочке двигалась, может, час, а может, и больше, у Ивана затекла рука, ноги не хотели держать его тучное тело и он, опираясь на стену хаты, стал двигаться в сторону повети. Глубоко внутри чей-то голос тревожно шептал, там шел Федька, а другой голос более громко говорил, там Федьки быть не может, он не такой, он себя покажет, о нем все узнают. Доковыляв до повети, Иван прилег на лавку, на него снова нахлынула пустота и он заснул. Проснулся от прохлады, услышал крик и плач жены, та стояла, наклонившись над ним, волосы на голове у нее были растрепаны и касались лица Ивана.

– Что ты, что ты, – были его первые слова, он хотел сказать, что там не было Федьки, но осекся, сел на лавке и спокойно задышал.

– А я уже думала, что с тобой что-то произошло, подошла, а ты не дышишь, – всхлипывая, говорила Настя. Она тоже успокоилась, сложила руки на груди и показалась Ивану такой

беззащитной, такой тонюсенькой, что дунь ветер посильнее – и она улетит. Настя села рядом и, глотая слезы, тихо заговорила:

– Ты видел, что такое делается, сколько же их собрали и погнали, словно скот, а они совсем замученные, воды и той не дали попить, а такая жаринь стоит...

В этот момент блеснула молния и сразу раздался с треском раскат грома, на западе светило солнце, а с юго-востока наплывала грозовая туча. Это знамение, подумал Иван, точно знамение, Федьке помощь пришла.

Федор Иванович Стецов, красноармеец пушечного дивизиона, отбиваясь от наседавших немцев, был оглушен прикладом по голове и ранним утром под конвоем немца был подведен к сидевшим на небольшом лугу таким же красноармейцам и командирам.

– Ого, сколько нас здесь таких, так это же сила, – усмехаясь, проговорил он сам себе. Понурость и неприветливость сидевших людей испортила воинственное настроение Федьки. Раздались команды, и все стали вставать, один наш военный шел мимо встающих людей и матом кричал, чтобы быстрее вставали и строились в четыре шеренги. Одного, видно, раненого, который силился встать, пнул ногой и визгливым голосом прокричал:

– Чего разлегся здесь, сволочь большевистская, – и снова ударил стоящего на четвереньках красноармейца, тот упал. Дальше все произошло в мгновение, стоявший рядом младший командир подскочил к писклявому и так ударил кулаком, что тот взлетел на миг и рухнул на землю как подкошенный. К командиру метнулось несколько немцев и двое наших. Удар прикладом по голове свалил командира, тот упал у ног визгливого и его стали избивать ногами. Снова раздались команды, крики и автоматная очередь, люди задвигались быстрее и стали строиться. Шеренга получилась длинная, раздалась команда на русском языке:

– Комиссарам, большевикам и евреям выйти из строя!

Вышли несколько человек. С правого и левого флангов мимо шеренг шли немецкие офицеры и несколько солдат, они внимательно рассматривали стоявших. В кого офицер тыкал пальцем, того выводили из строя. Эта процедура продолжалась часа три, хотелось пить и есть, а группки немцев шли не спеша, иногда среди них раздавался веселый гогот, от которого у Федьки сводило живот. Ему хотелось выскочить из этого жуткого строя и бежать. Вот это бежать заставило посмотреть на происходящее вокруг по-другому. Избитый младший командир лежал, не двигаясь, а визгливый подавал признаки жизни. Поодаль стояли немцы с собаками, и их было немало, на правом фланге поднимался сизый дым от урчащих двигателей машин. Там в крытый кузов загоняли выведенных из шеренг пленных. Бежать было некуда, и Федька стал поджидать, когда подойдут немцы. А на луг по дороге выходила колонна, все повернули головы в ту сторону, в шеренгах стояла тишина, которую нарушал смех и команды немцев. Серо-зеленой змеей колонна приближалась к шеренгам и продолжала без остановки двигаться по лугу дальше на запад.

Сколько же наших, испуганно думал Федька, как же так, а где Красная Армия? Урчало в животе, хотелось пить. Снова возникло желание выскочить из шеренги и побежать, пусть стреляют, но раздалась немецкая речь. Приближался немецкий офицер с солдатами, тот показал на длинного, с перевязанной головой командира, стоящего через одного в их шеренге, и солдаты стали выводить его из строя. Офицер остановился и в упор смотрел на Федьку, Федька вытянулся, как перед своим командиром отделения и встретился с его взглядом. Это длилось несколько мгновений, офицер поднял руку, но Федька не отводил взгляда, у него на спине выступила испарина. Офицер что-то произнес и пошел дальше. Вид движущейся мимо шеренг колонны, взгляд немецкого офицера окончательно изгнали из Федьки мысль о побеге. К вечеру их пристроили к той колонне пленных, что привели на луг, и они оказались под охраной одной немецкой команды со злыми овчарками. На второй день пути Федька понял, что он находится недалеко от родных мест, жара донимала, постоянно хотелось пить, даже

о еде меньше думалось, чем о глотке воды. У речки он не выдержал и с несколькими такими же потерявшими над собой контроль бросился к воде. Их быстро нагнали конвоиры и стали избивать, Федька, несмотря на удары его преследователей, хлебнул воды, потом зачерпнул ее ладонью и провел по лицу, дальше ничего не помнил. Избитого, его втокнули в колонну, громче и злее залаяли собаки да чаще стали раздаваться одиночные выстрелы. Тот, кто падал, больше не вставал. Федька с усилием переставлял ноги, было желание упасть и лежать, когда рядом раздалось слова:

– Держись, не падай, они тебя расстреляют, я слышал, как они говорили между собой, ты им не понравился, я знаю немецкий, держись.

Говорил идущий позади, повернуться и посмотреть, кто он, не было сил, при вдохе болело в груди, лицо горело, будто его жгли огнем, с каждым шагом в бедре возникала невыносимая боль. От слов поддержки Федьке показалось, что стало легче идти. Ему действительно стало идти легче, его, взяв под руки, поддерживали двое идущих рядом красноармейцев. Ночью была вода, была какая-то еда, и к утру Федька смог двигаться самостоятельно. Окрестности, где колонна начала движение в тот день, ему показались знакомыми. Осмотревшись, понял, что дальнейший путь колонны будет проходить через их деревню, да вот уже и подъем, где с кручи катались на санях, а там одинокая сосна, у леса двор Остапа и родная хата. Федька сжал зубы от подступившей злобы, которая сменилась страхом, что его увидят таким среди пленных. Он опустил голову и старался смотреть под ноги, из глаз текли слезы, ему казалось, что он идет один, со связанными руками, и его будут судить односельчане. При приближении к калитке их двора отер рукавом гимнастерки слезы, взглянул туда и тут же отвел взгляд. Он увидел отца, на миг их взгляды пересеклись, и Федька понял, что отец узнал его. Слезы снова покатались из глаз, дальше был провал.

Пока колонна пленных двигалась по родной деревне Федьки, никто не вышел со двора, казалось, здесь нет живых людей. Но они были в каждом дворе, и за людьми, с трудом переставляющими ноги, изможденными жарой, голодом и безысходностью, наблюдала не одна пара глаз. Им еще было непонятно, что это за люди, почти все в военной форме, и какое же они совершили преступление, чтобы нести такое наказание. Некоторые, кто был постарше, такие как Федор, Иван Стецов да и Остап, задавались вопросом: «Неужели это пленные наши солдаты?» И подымался из живота к груди страх беды, рисовалась картина пекла, о котором часто говорила юродивая Ксения. Она проходила по деревне и, останавливаясь у чьего-либо двора, говорила: «Будете гореть в огне, попадете в пекло, отступились от Бога, такое вам наказание». Ей старались что-нибудь дать и отправить поскорее от двора подальше, а та шла, снова останавливалась и произносила те же слова. Вот напасть какая-то, ходит здесь и наговаривает разное, лучше бы молитву какую читала – такие и подобные мысли возникали у однобоковчан, провожавших Ксению взглядом.

В обед колонна пленных вступила в Гребени. Здесь можно было видеть их жителей, первой вышла к самой дороге старая сторбленная бабка Авдотья, она остановилась, оперлась двумя руками на посох и внимательно стала смотреть на проходящих мимо солдат. Иногда она отрывала руку от посоха и осеняла крестом идущих, можно было слышать ее негромкие слова: «Матерь Божья, заступница наша, спаси и помилуй их, грешных, спаси и помилуй», – потом она снова хваталась за посох и выжидала. К ней приближался конвоир с собакой и что-то ей кричал, по-видимому, требовал, чтобы она отошла подальше от дороги. Овчарка стала рваться и лаять на бабку, пленные и жители со своих дворов со страхом ожидали жуткой картины. Авдотья не двинулась с места, только перекрестила приближающуюся собаку, и конвоир натянул поводок, требуя, чтобы овчарка шла рядом. Авдотья простояла, пока колонна не скрылась за домами. Вышло несколько еще жителей, они пытались бросить в колонну хлеб, началась давка, прозвучали выстрелы и люди бросились к своим дворам.

За Гребенями, в стороне от дороги, пленные увидели поле, неглубоким котлованом вытянувшееся километра на полтора в сторону речки. Оно почти все было огорожено колючей проволокой, натянутой на столбы выше человеческого роста. Конвоиры направили колонну к воротам, сделанным из такой же проволоки. «Вот и дом наш», – услышал чей-то шутиливый голос Федька. Он двигался из последних сил, а открыл глаза, когда уже не было видно солнца, и почувствовал запах хлеба и картошки.

– На, ешь, больше не будет, – ему в руку кто-то вложил кусок хлеба.

Есть было невыносимо больно, и он попробовал проглотить хлеб, не жуя, потом в руке у него оказалась картошина, ее есть было не так больно, и он старался жевать. Дали пить, и Федька снова заснул сном праведника. Ночью кричал, скрежетал зубами, куда-то рвался, потом затих. В темноте, низко наклонившись над головой Федьки и трясая за плечи, человек пытался его разбудить. Федька приподнялся и услышал шепот:

– Тихо, надо бежать, если сегодня не убежим, нам всем здесь крышка, давай за мной, – и человек пополз к изгороди. Федька сразу подчинился этому голосу и пополз, не чувствуя боли и усталости. Ползло еще несколько человек, проволока снизу была то ли разрезана, то ли разорвана, и они быстро оказались за колючими ограждениями. Старались ползти бесшумно, тот, за кем полз Федька, приостановился и прошептал:

– Будем держать направление вот туда, к дороге, и ползти вдоль проволоки, что бы ни случилось, нам надо попасть туда до рассвета.

Казалось, что они уже ползут долго, когда раздались выстрелы, лай собак и крики. Замечили, подумал Федька и хотел приподняться, но тот, другой, прижал его к земле и снова потребовал ползти и только ползти. Крики, выстрелы и лай собак был слышны в обратной стороне, что была ближе к лесу. С рассветом они оказались в кустарнике, отдышались и подползли к дороге, потом перебежали ее. На той стороне густо росли молодые сосенки, Федька знал, что они тянутся недалеко, за ними пойма реки Титовки, пойма с кустарниками и глубокими заводями, которые не высыхают и в самое жаркое лето. Вот туда нам и надо, стучало в голове спасительная мысль. Федька на ходу эту мысль изложил напарнику. Им оказался тот высокий красноармеец, что знал немецкий. Он только спросил:

– Ты что, знаешь эти места?

– Здесь недалеко наша деревня, где я жил, – ответил Федька.

– Тогда давай веди, и быстро, времени у нас мало, успеем дойти до поймы, будем живы, а нет, они с собаками нас найдут.

Ближе к полудню они были у поймы и решили передохнуть в кустах. Выстрелы, которые раздались в той стороне, откуда они бежали, заставили их снова вскочить и двигаться в сторону реки. Стали попадаться небольшие заводи, шли по этим заводям, где было глубоко, плыли, в одежде это получалось плохо. К сумеркам были у реки, долго шли берегом, заросшим кустарником и камышами. «Вот здесь и наше спасение, в этих камышах, – подумал Федька, – а там будем переплывать Титовку, где переплывать, надо еще подумать». И тут Федька услышал подтверждение своих мыслей от напарника, о котором почти ничего не знал.

– В этих камышах мы сможем спастись. Давай знакомиться, меня родители назвали Мишей, отец Федос Хомяков, а значит, я Михаил Федосович Хомяков, запомнил? – и, улыбнувшись, посмотрел на Федьку.

– А меня Федькой в деревне все называют, отца Иван Стецов, – тоже улыбаясь, произнес Федька и протянул руку.

– Нам, Федька, надо укрыться здесь и переждать до завтрашнего дня, а лучше еще день, будут они нас искать и сегодня, и завтра, они такие, аккуратность любят и порядок, а самое главное у них – это выполнить команду, и делают они это добросовестно, и неважно, какую команду. Найдут, расстреляют нас, но мы тоже не лыком шиты, как ты думаешь, Федька?

Федька не ответил, и они, прислушиваясь, осторожно стали пробираться в камышах. То, что Федька знал местность, а Миша владел немецким и знал немцев, когда учился, а больше по разговорам конвоиров и офицеров охранных подразделений, и спасло им жизнь.

Нескольких пойманных полуживых беглецов немцы расстреляли перед шеренгой пленных, которые стояли под солнцем до самого вечера. Поиски продолжались еще два дня, двоих выдали местные жители деревни Гребени. Немцы еще несколько раз прочесывали близлежащие окрестности, а по дорогам стали чаще проезжать на мотоциклах патрули жандармерии.

Глава пятая

Дня три после такой картины беспомощных, угрюмых, с трудом передвигавшихся по проселочной дороге под охраной немцев наших красноармейцев, казалось, Однобочка вымерла, если бы не смелые переключки петухов да редкий лай собак. Даже коров не выгоняли на пастбище, при встрече люди старались не смотреть друг другу в глаза и долго не разговаривать.

Но жизнь требовала общения, действия и налаживания такого порядка, который бы соответствовал обстоятельствам. По деревне поползли несмелые слухи, что наши разбиты и немцы скоро будут в Москве, другие не соглашались с такими суждениями, но веских доводов, что будет по-другому, привести не могли, разве говорили, что и немцы сюда приходили, и французы, а всех их погнали и были они разбиты.

Иван Стецов решительно поддерживал вторых, но такую поддержку он высказывал только в присутствии жены Насти. За какую-то неделю он осунулся и постарел, под глазами появились большие темные круги, ходил мало, больше сидел под поветью и думал о сыне, о Федьке: «Как же тебя угораздило, Федька, оказаться в той колонне, ты же такой боевой хлопец...» Дума с самого утра вползала в сердце и ложилась там тяжелым камнем, а уходила только когда Иван засыпал тревожным сном. Настя догадывалась, о чем думает муж, но молчала, чего-то ждала. А недели через две она услышала, что пленных держат за Гребенями, там, может, их тысячи, а самое главное, некоторых отпускают, если найдется среди них муж или брат, только надо нести с собой яйца, сало, масло для немцев. Это она все рассказала Ивану и добавила, что Аксинья и еще три женщины собирались туда идти на днях. Иван молча посмотрел на нее и решил пройти по деревне, зайти к Анисиму и узнать более подробно у него про эту новость. Там он узнал, что появились полицаи, что скоро в деревню приедут немцы, всех соберут и скажут насчет колхоза. Узнал, что пленные там страшно голодают, что воды и той не дают. С такими мрачными новостями он вернулся домой. Перед самым сном Насте сказал, если бабы пойдут, сходи и ты. Насти с женщинами не было почти четыре дня, пришли они уставшие и измученные, об увиденном за колючей проволокой рассказывали, вытирая слезы. Федьки среди пленных Настя не нашла. Наверное, показалось, подумал Иван, и в ту ночь спал крепким сном.

Пришла осень, пошли дожди, а с ними опять приходил тот взгляд Федьки, и как ни гнал его Иван от себя, приходил все чаще и чаще. В деревне говорили о новых порядках, расстрелах партийных и евреев за Гребенями, о полицаях, что они хуже немцев. Пленных, что держали почти до холодов за колючей проволокой, куда-то увезли, рассказывали, что их половина погибла там от голода. Зима наступила рано, сразу ударили морозы и навалило снега. Со снегом стало веселее, пропала темнота, даже ночью стала виднее.

В одну такую ночь Ивану совсем не спалось, сразу, как лег, заснул, а потом проснулся и сон пропал. Он вышел во двор, решил заглянуть в сарай, корова лежала на подстиле, который Иван положил вечером, подняла голову и, не переставая жевать жвачку, с удивлением смотрела на хозяина. Сквозь вздохи коровы Ивану почудился чей-то тихий говор, он замер и стал прислушиваться. Кто-то подходил к сараю и подходил не один. Иван прижался к шуре и, не шевелясь, сквозь приоткрытые ворота пытался разглядеть пришельцев. Во двор входили двое, шли они осторожно, но, как один открыл калитку, что вела к повети, можно было предположить, человек здесь был. Иван вспотел, он узнал Федьку, хотел громко позвать его, но только прошептал: «Это я». Федька и сел на входе. Те двое опустили на корточки и застыли возле калитки. Федька и Михаил пробыли в сарае Ивана два дня и две ночи, а на третью ночь, нагрузив каждый по полмешка разной снеди, растворились в темноте, как их и не было. Еще раза три Федька приходил той зимой за продуктами и тут же уходил, тогда Иван и слышал о партизанах. Потом к Ивану как-то зашел Федор и передал привет от сына. А летом уже по Однобочке

шли разговоры, что Иванов сын Федька в партизанах и очень смелый, и чуть ли не командиром среди них стал.

Остап закрыл на засов входную дверь в сенцах, закрываться он стал с того дня, когда увидел колонну пленных, которую прогоняли немцы через Однобочку еще в самом начале войны. Спроси его тогда, да и сейчас, зачем он это делает, подумав, наверное, ответил бы, так спокойнее спится. Он разделся и лег спать, сразу пришли мысли, куда завтра утром пойти за земляникой. В бор, там лес редкий, солнце хорошо греет, и земляника может уже созреть, а что она там крупная – так это и так ясно, земля там побогаче, чем на опушке. Зато на опушке солнца больше и там может быть ягода сладкой. Думал и решил Остап, что утром будет виднее, с тем к нему и стала подступать дрема. Но неожиданный шорох у окна сразу прогнал сон, Остап прислушался, кто-то стучал в его окно. Он встал, тихонько подошел к окну, у окна стоял человек, он показался Остапу знакомым,

– Кто там? – негромко спросил Остап.

– Открой, Остап.

Остап по голосу узнал Федора. Не одеваясь, быстро вышел в сенцы и открыл дверь.

– Что случилось, что в такой поздний час? – заговорил Остап, впуская Федора.

– Давай сразу к делу, – войдя в хату и ставя на пол мешок с поклажей, заговорил Федор. – Большая у меня к тебе просьба, Остап, и очень прошу тебя не отказать ее исполнить. Вот этот мешок надо передать завтра одному человеку, кто он, я и сам не знаю, велено передать. Неважно, кто он будет, он подойдет или подъедет к сосне, та, что у самой дороги, ты его там встретишь, и, если он спросит тебя, а когда у вас ярмарка будет, ты и отдашь ему этот мешок. Там рядом с сосной есть окопчик, туда мешок прихováй, а когда скажет те слова, кто бы он ни был, отдай и ничего его не спрашивай, а потом иди по своим делам.

– Я завтра надумал идти земляники собирать, говорят, что уже она поспела, но раз ты, Федор, просишь, то сделаю, дело кажется не таким и хитрым. А в мешке что будет? – спросил Остап.

– Ты, Остап, не бойся и не волнуйся, там мина, она без надобности не взорвется, надо знать, как ее взорвать, а так – это кусок железки. Давай, Остап, прошу тебя, выполни это задание, мне пора, еще надо попасть в одно место.

Пожав руку, Федор заспешил из хаты. Остап проводил его, постоял во дворе, только Федор будто растаял, раз – и тишина, Остап даже не заметил, в какую сторону он пошел. Постояв еще несколько минут и прислушиваясь к звукам ночи, Остап не почувствовал ничего настораживающего, задвинул засов и снова прилег. Сон долго не шел, Остап несколько раз повторял слова, которые должен сказать тот человек. А кто он днем не боится забирать мину? «А ты как ее понесешь», – вдруг задал себе вопрос Остап и задумался. Возьму корзину, как для земляники, положу туда мешок, прикрою его торбой с хлебом, а еще возьму берестовую кружку, что сделал сегодня, и пойду, а под сосной присяду будто передохнуть и буду ждать того человека. Только как он меня узнает, придется, если кто едет или идет мимо сосны, вставить и ожидать того путника. Это было для Остапа самым тревожным и непонятным. Так, за мыслями, незаметно подступил сон. А утром, еще только солнце взошло над лесом, Остап с корзиной, дужка которой висела у него на кисти руки, вышел со двора и направился к лесу.

У самого леса он прошелся по негустой траве, отыскивая красные ягоды земляники, собирал их горсть, долго нюхал, потом ссыпал их в рот и, закрыв глаза, разжевал несколько ягод, пробуя их на вкус. Правду вчера говорила эта всезнающая Ивана жена, что земляника созрела и ее уже пора собирать, где она только узнала об этом, улыбнувшись, подумал Остап. Он еще прошелся вдоль опушки, срывая в траве зрелые ягоды и бросая их в рот. Когда речь заходила о землянике, Остап, говорил, что она есть первейшее лекарство от всех болезней и каждому

человеку надо бы за лето съесть кружку зрелых ягод. Вдруг он остановился, постоял, думая о чем-то, и зашагал по тропинке, что вела к дороге.

Глава шестая

Вскоре он оказался у одинокой сосны, и его не стало видно. Раньше, еще в молодые годы Остапа, рядом с сосной был пень, на который кто-то прибил кованым гвоздем широкую тесаную доску длиной в аршин. Получилась лавка, на которой свободно могло сидеть два таких, как Иван Стецов, человека. Теперь вместо пня остались только торчащие острые, как у сломанного коренного зуба, смолистые корни. Новую лавку никто не стал делать, оставалось путнику или как сейчас Остапу садиться на бруствер окопа и ожидать. Остап спустился в окоп, поставил там корзинку, взглянул на солнце, подумал – опять будет жаркий день, расстелил пиджак, который носил и зимой, и летом, лег на него вниз животом, накрыв голову своим широким соломенным брилем.

Сосна стояла шагах в тридцати от дороги, и кто бы ни проходил или ни проезжал, Остапу он был виден, разве если заспишь, то всякого просмотришь, вдруг такая думка промелькнула у Остапа. А сколько придется ему здесь лежать под солнцем, он не думал, главное – появился бы тот человек, и Остап проговорил про себя те слова, что человек должен был произнести. А с дороги надо было быть зорким человеком, чтобы обнаружить, что там кто-то лежит.

Этим летом Остап первый раз оказался у одинокой сосны, а раньше он здесь частенько останавливался. Это было знаменитое для их деревни место. Смотришь с него на деревню – и видны почти все дворы, а если как сейчас – в сторону солнца, то можно видеть берега Титовки, когда она вытекает из-за леса, что потянулся на восток. А если влезь на самую верхушку сосны, то можно видеть дальние окрестности, и луг, и почти всю речку, что протекает вдоль дороги, и саму дорогу, только мало кому удавалось это сделать. Сосна была толстая, а ветки ее образовывали причудливую прическу почти у самой вершины. Сколько лет этой сосне, пожалуй, в Однобочке никто уже и не знал. Росли здесь две сосны, а одну спилили и остался от нее только сгнивший пень.

А вот был бы об этих соснах еще жива, и Остап ее хорошо знал, ему не раз рассказывал эту былль его дед. В общем, это не такая уже и былль, всего-то прошло не больше века, может, чуть даже меньше. Дед Игнат был в артели переселенцев, которая начала здесь землю расчищать от леса и хаты строить. Вел тогда артельщиков Никифор, старший брат Игната, сильный мужик и мастеровой, мало сейчас таких осталось. Вышли артельщики из Гребеней, оставив свои семьи на жен да стариков, а жили те – кто в землянке, кто у родственников, семьи немалые у них были. А что делать, надо было землю себе добывать да хату ставить и двор образовывать. Вдоль речки и повел Никифор, шли неспешно, присматриваясь к земле, лесу, и немало прошли. «Что-то ноги гудят уже, может, передохнем», – пошли такие разговоры среди мужиков.

Ясное дело, время обеда уже прошло, подкрепиться надо, и стали они место искать, где бы походный бивак раскинуть. Вот вышли они на взгорочек, красота вокруг и две сосны стоят могучие, словно сестры, а за ними лес такой же, на строительство пригодный.

«Вот, кажись, место подходящее, – говорит Никифор, – давай, мужики, бивак здесь и поставим».

Возле этих сосен соорудили просторную землянку и все необходимые места для временного проживания. Обошли лес, а там и ягоды, и грибы, речка рядом, луга и очень вид красивый открывался, дня два ходили, радели и было единодушно определено: лес корчевать и хаты ставить здесь. От тех сосен вдоль речки в сторону Гребеней стали у леса землю отвоевывать, а к осени появились первые землянки, и ставились они подальше от склона, что спускался к речке. А вокруг них и стали вырисовываться будущие дворы. Расстояния между землянками определялись силой семей и их трудолюбием. На следующий год еще поле не было расчищено, а все переселенцы с семьями были уже рядом с артельщиками, помогали им. Споро дело двигалось, лес заготавливали для хат и складывали, часть леса скупил приезжие купцы и спустили

его вниз по реке. Встал вопрос, кому первому хату ставить, опять единодушно определили, что первому будут хату рубить Никифору, а остальным по жребию. И землянки уже почти у всех были, и хаты собирались ставить, а вся общая жизнь шла возле тех двух сосен, тянуло к этому месту переселенцев, от него, считалось, и пойдет их деревня.

Стали копать колодец, хотя воду можно было брать в речке, только далековато оттуда ее таскать, да и вверх подниматься с бадьей – сила нужна. Глубоким получился колодец, на его сруб пошло немало бревен и два бревна взяли из тех, что предназначались для сруба хаты Антипа. Мужика неказистого и больного, он постоянно кашлял, дышал тяжело, за все он хватался и старался сделать быстрее, а получалось наоборот. Выпало ему по жребию почти последнему сруб ставить, он тогда обиду затаил на всех. А как увидел, что взяли его два бревна на колодец, совсем, как говорят, ум потерял, кричал, матерился, всю семью вывел и стоял такой плач, что казалось, конец света подходит. Никакие уговоры не помогали, назавтра было решено бревна притащить к месту, где собирался ставить хату Антип. Только утром обнаружилось, что Антип со своим старшим сыном срезал одну сосну и уже другую подступался пилить, мужики отняли у них пилы и топоры, а Антип сквозь кашель кричал, что – только вам одним, вот и мне будет, моя сосна будет, и вторую спилю. Собрались тогда почти все переселенцы, стали кругом и смотрят на сосну, как на дорогого человека, без времени почившего. А Никифор сел на срезанный пенёк, голову опустил, тихо стало, даже у Антипа кашель прекратился.

– Эх, Антип, красоту-то какую ты загубил, сестер разделил, а все от злобы своей ты, Антип, сделал это, да от жадности, а они попутчики человеку никакие. Ты что, сам здесь не сидел со всеми и не радовался красоте, да что с тобой говорить, не уберегли мы полюбившееся нам место, а от этого и беда может быть, – махнув рукой, закончил Никифор свою речь.

– Да гнать его надо из артели, пусть себе место другое ищет, – заговорили собравшиеся у сосны, уже на голосование предлагали так вопрос поставить. Встал Никифор, замолчали люди.

– Еще одно зло сотворим, если Антипа из артели погоним, куда семья его денется. Давайте так поступим, сосну, которую Антип сгубил, на сруб колодца пустим, венцы сруба из бревен Антипа на костре сожжём, а ему в этот же день вернем два бревна.

Согласились артельщики с Никифором, так и поступили, стоит сруб колодца и поныне, только сменили три венца, что у самой земли лежат. Его несколько раз чистили, а дерево сруба там внизу еще крепкое. Умел Никифор с деревом работать и знал его хорошо, куда и зачем оно предназначено. А на сосне, на самой верхушке, свил ворон гнездо, и кто ни пытался до него добраться, с позором соскальзывал с той сосны вниз. Так, значит, оно и надо, говорили артельщики. Только не закончилась эта быль той историей. Пришли в артель просится еще три новых переселенца, день ходили вокруг, все высматривали да прикидывали, а на второй день просится стали в артель и способности свои показывать. Один росту невысокого, но такой быстренький, место это золотым назвал, и все своим голоском тонким и звонким кустарники, что у речки росли, расхваливал. Представился он всем Потапом. А когда спросили, что ты делать умеешь, он тут же руки распростер и пообещал завтра показать, на что он мастер. Засмеялись люди, но чем-то он понравился артельщикам. Потом отвел Никифора в сторонку и какой-то разговор с ним вел. Никифор махнул рукой и громко произнес:

– Давай, Потап, согласен.

Повернулся Потап и только его видели. А на утро от речки Потап со своими помощниками тащил прутья лозы и ивы к хате Никифора. А помощниками его оказались дочери, было их семеро, трое матери помогали, а четверо – Антипу. Дивились артельщики, с какой прытью они работали, а утром у хаты Никифора собрались почти все артель, детей немало прибежало, а хаты Никифора и не узнать. Сделана вокруг нее ограда из прутьев лозы и ивы, да такая причудливая, как венцом та ограда двор украсила. Стоит Потап и как-то виновато улыбается, ждет, что люди скажут, как его труд оценят, а чуть в сторонке его дочь стоит и на людей с удивлением

и какой-то радостью смотрит. Никифор обошел ограду, взял ее двумя руками и попробовал ее пошатать, не шелохнулась ограда, будто из камня сделана. Остановился Никифор возле своего младшего брата Игната и говорит:

– Давай, брат Игнат, ты помоложе, может, у тебя силы больше, попробуй крепость ограды этой.

Засмеялись вокруг, зная силу Никифора, а Игнат покраснел, но ступил к ограде и давай ее качать, а она стоит словно дуб столетний. Растерялся Игнат, еще больше покраснел, кинулся в другое место, только произошел еще больший конфуз, возле дочери Потапа он вдруг споткнулся и упал. Тут дочь к нему кинулась, стала помогать ему, подняться, а вокруг стоял всеобщий хохот, радость охватила всех. Только Игнат от стыда и досады не знал куда деться. Тут Никифор подошел к брату, руку свою тяжелую на его плечо положил и, улыбаясь, произнес:

– Эй, артельщики, да здесь видно придется отдельную хату ставить Игнату, посмотрите, красавица-то какая, ну чем не жена, сразу кинулась спасать хлопца от позора, хорошая будет жена, Игнат, – уже похлопывая по спине, закончил Никифор.

Долго не утихал там смех и радостные возгласы, так был отмечен прием в артельщики всех троих переселенцев. Потап выбрал место для хаты в ряду со всеми, подальше от склона к реке, а тем двоим приглянулось место перед склоном, рядом с высокими одинокими соснами. Помогли им всей артелью землянки поставить, да случилось так, что в конце жнива насунулась тяжелая грозовая туча, загремел гром и ударила молния в одну сосну, расщепило ее и она вспыхнула, а потом и крыша землянки загорелась, люди выскочили оттуда живыми. А вскоре вторая землянка тоже сгорела, дети огонь внутри разожгли, еле их спасли. Вот с тех пор стали бояться люди ставить хаты перед склоном к реке, так и образовалась улица с дворами только с одной стороны, а починок Однобочкой называть стали.

А Антип вскоре совсем ослаб, его первым похоронили на новом погосте, что образовался в бору, перед въездом в починок. Сын Антипа ушел из артели осенью, и никто его больше не видел, вдове помогли поставить хатку и огородили небольшой двор, но не сложилась там жизнь, дети разошлись кто куда, и осталась жена Антипа доживать свой век в одиночестве и горести.

Были и радость, и веселье в том починке, Игнат и в самом деле женился на дочери Потапа, выбрали они место для своего двора в стороне от построенных хат. И была это первая свадьба в Однобочке, веселая и шумная. На том дворе сейчас и жил Остап.

Глава седьмая

Припекало солнце, Остапа стал морить сон. «Может, напрасно здесь на пекле сижу, будет ли тот человек, появится ли он, может, пойти по землянику, только куда эту мину девать, да и как же приказ Федора», – задавал себе вопросы Остап и сам себе же отвечал. Но тревога, сколько еще здесь ждать того человека, осталась. Остап стал жевать корочку хлеба, снова почувствовал жару, надел свой бриль и сел на дне окопа. И никакой это не окоп, а раньше здесь была срублена артельщиками первая землянка, вот и осталось от нее углубление в виде ямы, почему-то к Остапу пришло такое воспоминание из разговоров с дедом Игнатом.

Что-то раздражало Остапа, не этот человек, что пока так и не появился, было другое, это другое часто жгло его душу и сидело занозой, вытащить, которую из себя он не отважился, не хотел в ней даже себе признаться. Когда приходило такое жжение, Остап шел заниматься любимым делом, ритмичные движения его успокаивали, и жжение пропадало до следующего проявления. Сейчас некуда было пойти, тогда Остап привстал и снова стал моститься на пиджаке, чтобы прилечь, как вдруг почувствовал, что на дороге кто-то есть. На склон въезжала телега, запряженная рыжей лошадью, та сильно мотала головой, то ли от нужи, то ли от жары, а может, от того и другого. На телеге сидел мужчина и понукал лошадь, но та шаг не ускоряла, видно было, что она проделала немалый путь. Съехав с дороги напротив сосны, лошадь остановилась, с телеги слез мужчина, подошел к лошади и стал отгонять от нее стаей выющихся слепней и оводов. На нем была черная одежда, в которой последнее время стали ходить полицейай, а на правом рукаве выделялась белая повязка. Одежда и остановила Остапа, он стал думать, а может, это не тот человек, а настоящий полицейай, но вспомнил напутствие Федора, что, кто бы ни остановился, надо подойти к тому человеку, и Остап, не мешкая, встал и направился к телеге. Полицейай продолжал отгонять наседавших на лошадь оводов, а когда Остап почти подошел к телеге, он произнес те слова, что просил запомнить Федор – «а когда у вас ярмарка будет». Остап улыбнулся и тихо ответил, я сейчас, и скоро вернулся с корзинкой. Так с корзинкой он и протянул ту поклажу, что принес Федор. Мужчина взял корзинку, подержал ее в руке, потом достал торбу с едой, протянул ее Остапу и, не сказав больше ни слова, сел на телегу и тронул лошадь, которая уже не хотела стоять на месте. Остап смотрел вслед телеге, когда она отъехала на несколько шагов, он неожиданно для себя крикнул:

– Там лежит мина.

Полицейай остановил лошадь, слез с телеги и в ответ произнес:

– Я знаю.

Лошадь, гонимая жарой и наседающими на нее оводами, слепнями и мухами, мотая головой, развернулась и направилась к сосне. У сосны остановилась и стала тереться о ее кору мордой, пытаясь отбиться от назойливых насекомых, полицейай тоже вернулся и остановился у телеги.

– Тебя как звать? – спросил он, хлопнув ладонью по крупу лошади, где сидели оводы.

– Остапом все называют.

– А меня Дмитрий, а моя бабуля почему-то звала меня Змитро, да так и все знакомые называют. Умное это животное – лошадь, – продолжал полицейай. – Ночью в любую погоду к дому приведет, такая она зрячая. Моя бабуля мне часто говорила, что лошадь клевер любит, вот потому и зрячая. Сколько я знаю, она каждый день себе сушеный клевер запаривала и пила вместо чая. Поэтому, говорит она, я никого не прошу нитку в иголку вкладывать, не то что вы, молодые.

Полицейай отошел от лошади и предложил:

– Давай присядем, передохну от жары.

– Да вот уже несколько дней солнце печет, так что яйца в песке сварить можно, вот и земляника в этом году созрела раньше обычного, – поддержал разговор Остап. Они сели в тени сосны на краю окопа.

– Да ты не бойся меня, хотя что говорить – не бойся, ненавидят нас люди, и правильно. Как я в полиции оказался? На фронт не попал, война началась, а меня дома не было: ездили к дальним родственникам, вернулся назад один, без жены и сына, а в районе уже немцы, вот и остался дома со своей бабулей. А тут немцы в городок нагрянули и все, смотрю, знакомые молодые хлопцы с винтовками ходят, немецкий порядок устанавливают.

Один раз встречаю и говорят: «Ты чего это, Дмитрий, прячешься, что, немецкая власть не нравится? А советскую власть не жди, не будет ее больше». Раз, второй раз встретили и все агитируют в полицию вступать. А уже тогда можно было слышать, как их бобиками называли. А на третий раз как пристали, да еще сели, самогонки выпили и согласился я. Дня через два собрали нас, таких добровольцев, присягу зачитали, винтовку выдали, повязки на рукава нацепили, так и стал я в полиции служить.

Димитрий замолчал, снял с головы свою форменную кепку, протер грязным платком голову и продолжил свой рассказ, видно, наболело у человека на душе и ему хотелось высказаться. Бывает так, встретишь незнакомого человека и знаешь, что больше его не увидишь, и тогда можешь сказать ему то, что и близкому никогда не поведаешь. «Вот, пожалуй, такая минута и подошла к этому человеку», – подумал Остап.

– Пришел я домой, а бабка и спрашивает: «А где это ты винтовку взял, тебя же немцы арестуют, еще и в тюрьму посадят». А я ей так напрямик и говорю: «Бабуля, – я ее бабулей звал, – вот так произошло, что вступил я на службу». А она как отшатнется от меня да как закричит: «Ты что это такое надумал, это же позор на нашу семью и род наш. Ты не думай, немцы – они пришли и уйдут, как это не раз было, вон сколько разных приходило чужаков, да все бежали, и эти побегут». Да как заплачет, я к ней, а она кричит: «Не подходи ко мне, и все про позор говорит». Вижу, что это серьезно и добром не кончится.

Через неделю я хоронил свою бабулю, как ни пытался с ней заговорить, она не отвечала, а только отворачивалась. Слегла, есть не стала, воду только пила, хотел воды ей подать, не взяла, а подтащила ведро к кровати, сама зачерпнет и пьет. Такая у нее на меня обида вышла, уже чувствовал, что последние дни она доживает, подошел к кровати, прощения просить у нее хотел, она так на меня посмотрела, что в груди запекло и жутко мне стало. А тут еще начали нас привлекать к расстрелам, я не стрелял, а был в охране. Во рвах, что для обороны от наступления немцев начинали копать, стали партийных с их семьями и евреев расстреливать. Вот привезли на машине людей, выгаливают из кузова машины несколько человек, смотрю, а это учительница, которая меня учила, ее муж, тоже учитель, и их дочка, партийными они были. Девочка плачет, к матери жметя, а та обняла ее за голову, так и идут они втроем, да мимо меня шли. Повернула голову та учительница и на меня посмотрела, да таким взглядом, что я аж зажмурился. Она отвернулась, голову девочки сильнее к себе прижала, так их и расстреляли. А взгляд тот, как уголь горящий, в груди у меня остался, и жжет, и жжет, нет от него никакого спасения. Получилось, два огня в груди горят, вот тогда начало ко мне приходить какое-то понимание, что я натворил. Это же не просто повязку на рукав нацепил и с винтовкой ходишь, получается, что признал ты что-то дьявольское, нечеловеческое. Потом стоял в охране, когда евреев расстреливали, а там тоже дети, старики, женщины, стою и думаю, что ты, Змитро, здесь делаешь, ты же участник этой беды. Запил я, да и прикинулся больным, перестали меня тогда в охрану брать, а дали лошадь и стал я развозить, что поручат. Перевозил и убитых, и ворованное, да что только не перевозил, а в груди всё равно жжет и никакого спасу от того огня нет. Напьюсь, после еще хуже становится, а тут встретился мне один человек, сказал, чтобы о нем никому ни слова, и поручил одно дело сделать. Огонь тот в груди жжет, Остап, согласился я

на то дело. А что мина там лежит, это я знаю, и обращаться с ней умею, когда в Красной армии срочную служил, обучили минному делу. Ну, все, передохнул, хватит, надо ехать.

Дмитрий рывком встал, подал руку Остапу, помог ему подняться с земли, развязал вожжи и прикрикнул на лошадь, та нехотя стала отходить от сосны. Когда телега поравнялась с Остапом, Дмитрий подошел к нему, взял двумя руками за плечи и, глядя в глаза, произнес:

– Спасибо тебе, Остап, что выслушал.

Потом опустил руки, потупил глаза в землю и тихо прошептал:

– Может, ты меня простишь, Остап, хотя нет, это мне у самого себя надо просить прощенья. Я себя должен простить.

Встрепенулся, резко вспрыгнул на телегу и погнал лошадь.

– Смотри, заднее колесо у телеги может соскочить с оси, – прокричал вслед Остап. Дмитрий только махнул рукой и хлестнул вожжами лошадь. Та перешла на бег. Остап провожал его взглядом, пока телега не скрылась из виду, постоял еще несколько минут, о чем-то думая, и зашагал к лесу. Домой идти ему не хотелось, и, как назойливая муха, вертелись слова о просьбе прощения, сказанные Змитром. Это имя больше понравилось Остапу, и оно больше подходит к Дмитрию, хотел сказать «полицая», но внутри произнес: «Дмитрию».

Чем ближе Остап подходил к лесу, тем беспокойнее у него становилось на душе, а в чем дело, он понять не мог и только ускорял шаг. Не прошло беспокойство и в лесу, хотя идти стал медленнее, вышел в бор. Остап любил это место, здесь протянулись невысокие горки, поросшие соснами, сосны стояли высокие, с золотистыми стволами, и каждая отличалась от другой, образуя вокруг себя свое пространство. Сюда легко проникал солнечный свет, почти всегда у Остапа здесь возникало чувство радости и веселости, дышалось легко и свободно, получалось, будто здесь другой мир, а еще хотелось громко закричать. Здесь, как и у опушки, возникало от крика эхо, только оно там глухо отражалось и сразу затихало. А здесь, в бору, оно долго перекликалось, уносилось вдаль и поднималось ввысь. В этот раз Остап молчал, не было и той, как в детстве, радости, но дышалось легче, здесь прохладнее, чем там, в поле, подумал Остап.

А беспокойство росло, опять вспомнился Змитро и его рассказ. «Да это все не то», – хотелось закричать Остапу. «Оба мы одинокие, он оказался одиноким, и я одинокий, это нас и связывает», – с некой детской радостью сделал такое открытие Остап. Оно-то так и не так, опять к нему вернулись сомнения и стал мучить вопрос, что еще связывает его со Змитром. Остап стал осматриваться и обнаружил землянику, крупные ягоды с трудом прятались под зелеными листочками и манили к себе, снова на душе возникла радость. Он быстро насобирал горсть крупных ягод и отправил их в рот, жевал, закрыв глаза, чтобы почувствовать вкус и ощутить запах лесной ягоды. Присел у сосны, опершись спиной о ее ствол, сидеть было удобно, мешал немного бриль, пришлось его снять и положить рядом. Как же хорошо летом, а красота какая, куда ни глянь – везде живо и красиво, и везде тебе место есть, чтобы отдохнуть. Остапа стало клонить ко сну, только он закрыл глаза, как тут же, сидя у сосны, положив голову на колени, заснул.

Ему снился сон, что он с вязанкой прутьев поднимается по склону к одинокой сосне, уже видит ее, а ступать становится все труднее и труднее, ноги не хотят слушаться, и тогда Остап опускается на колени и пытается ползти. Колени тоже не слушаются и он, со всех сил цепляясь руками за траву, ветки, ползет по склону, но сил остается все меньше и меньше. Уже нет вязанки прутьев, а как же без них, приходит мысль, главное – не прутья, а надо добраться до одинокой сосны, быть рядом с ней, мы тогда не будем одинокими. Сон прервался, голова Остапа соскользнула с колен и он, положив руки под голову, лег на бок и снова заснул. Домой он вернулся, когда солнце скрылось за лесом, вечерело. И уже решил, что завтра пойдет собирать в бор землянику. Первое, что он сделал, так это достал корзинку, подержал в руке, как бы оценивая, не тяжелая ли она, потом осмотрел ее и от удовольствия улыбнулся. Оставалось покормить кур да придумать, какую еду приготовить на ужин и на завтра. Остапа всегда раз-

дражала необходимость готовить еду, не так готовить, как придумать, что приготовить. А, завтра и придумаю, наконец, решил он и направился в хату.

Глава восьмая

Змитро добрался до полицейского участка в Гребенях, когда уже жара спала. Его здесь знали, он доложил дежурному о прибытии, спросил, что слышно и какие будут приказания. Дежурный ответил уклончиво, отмахнулся, как от назойливой мухи, которая нарушила его мирный покой. Полицейский участок располагался на краю деревни, в большом доме, который принадлежал до образования колхозов кулаку. Двор занимал немалую площадь, был огорожен высокой и крепкой оградой с такими же крепкими воротами и калиткой. Змитро въехал во двор и остановился у самого сарая, распряг лошадь, снял с телеги свои пожитки и кошик, поставил их под телегой, накрыв старым пальто, которое лежало у него под сеном. Отвел коня за сарай, в небольшой сад, там и привязал его за вожжи к дереву. Получалось, что лошадь паслась под надежной охраной полицейских. Вернувшись к телеге, Змитро встретил знакомого полицая, они разговорились, и он узнал все новости. Главная новость, что это завтра здесь организовывается ярмарка, приедут люди с других деревень, а потом подъедут немцы и будет устроена облава, надо захватить как можно больше людей, лучше молодых. «Так что завтра баб и девок тискать будем», – закончил полицай свое повествование и добавил:

– Нас предупредили, чтобы мы особо не трепались. Да еще попался нам один партийный работник, как его взяли, так он сразу в штаны наложил и все выдал. Районное руководство не успело документы вывезти и спрятали их здесь недалеко, вот он про эти документы и выложил, в пяти или шести железных ящиках они. Тебе завтра поручат их увезти в район, в полицию или гестапо».

За разговорами они поужинали кашей, которую принес полицай, тут, наконец, Змитро вспомнил, что звать полицая Митя, а фамилия у него чудная – Чурбан. Спать Змитро устроился здесь же, на телеге, накрывшись своим пальто.

Проснулся Змитро рано, то ли от утренней прохлады, то ли от внутреннего беспокойства. Вспомнил встречу с Остапом, разговор с полицейским и сразу испортилось настроение. Утренняя суета, уход за лошадью отодвинули набежавшие воспоминания и мысли. Когда Змитро запрягал лошадь, его вызвали к начальству, вручили документ с печатью, по которому ему приказывалось доставить пять ящиков в район и сдать их начальнику местной полиции. Грузить ящики Змитро помогал знакомый полицай, тот самый, с которым они вчера разговаривали. Пока все было оформлено и уложено, солнце поднялось уже высоко, в такую пору косарь садился передохнуть. Потом вдруг в участке забежали, заторопили, и только Змитро выехал за ворота, как послышался шум моторов и тархтение мотоциклов, к полицейскому участку подъезжали мотоцикл с коляской, в котором сидели два крупных немца, и легковая машина, тут же показалась и грузовая. Змитро хлестнул лошадь, чтобы поскорее отъехать. Ехать ему надо было через всю деревню.

На пересечении улиц, где образовывался своеобразный круг и был центр Гребеней, стояли распряженные подводы и лавки, шла торговля. Тут же прохаживался полицейский, а у забора, где раньше размещалось правление колхоза, стояла машина, из которой доносилась музыка. Здесь же визжали поросята, мекала коза, на табурете стояли банки с медом, дальше лежали веники, серпы, стояло несколько кос. «Как в советское время, – подумал Змитро, рассматривая, что продают люди, – а есть еще что продавать, не все забрали немцы». Змитро проехал центр деревни, там дальше улица делала поворот и заканчивалась у самой речки. Не доезжая до поворота, он услышал крики людей и увидел, как несколько человек кинулись во дворы, а навстречу бежала молодая женщина и кричала: «Там немцы!»

Увидев Змитра, она кинулась в чужой двор. Змитро хлестнул лошадь и вдруг внутри ощутил те горящие угли. Он зажмурил глаза, сцепил зубы, но огонь только разгорелся сильнее, он схватил плетку и уже замахнулся, чтобы ударить лошадь, но тут увидел на улице немцев.

Они вели впереди себя, подгоняя прикладами и стволами карабинов, несколько человек. Один немец поднял руку, требуя остановиться. Змитро с трудом остановил разгоряченную лошадь, немец увидел перед собой полицейского, опустил карабин и потребовал аусвайс. Змитро подал ему бумагу с печатями, тот ее посмотрел и махнул рукой, разрешая проезд. Так это же облава, вспомнился вчерашний разговор со знакомым полицаем.

Немцы обходили дворы, выгоняя людей на улицу. «Плотно же они окружили деревню», – отметил про себя Змитро. Ему вдруг расхотелось ехать дальше, крики и плач людей раздували тлевшие в его груди угли. Он выехал за деревню, остановил лошадь и вдруг увидел человека, который хотел перебежать улицу, но, заметив его, Змитра, в полицейской форме, кинулся в сторону речки. Раздались выстрелы, человек упал, но тут же вскочил и метнулся к прибрежным кустам. «Что я наделал, что я наделал, – стучало в голове у Змитра, – стал пугалом для людей, нет мне прощения». Он обхватил голову лошади и стал шептать: «Прости меня, бабуля, прости меня, что я пугало, я пугало». Лошадь, несмотря на усиливающуюся жару, стояла смирно и только чуть туда-сюда поворачивала голову и терлась ноздрями о пуговицы пиджака. Снова раздались выстрелы, несколько человек бежало, пригибаясь и падая, через дорогу к речке. Над деревней поднимались крик, плач и выстрелы, чей-то женский надрывный голос умолял:

– А куда же вы моего сыночка забрали, отпустите, отпустите, он же дитя, – и ее слова голосно и протяжно зывали о помощи.

Змитро оцепенело стоял, обнимая голову лошади, к нему пришло успокоение, внутри было тихо и спокойно, как никогда. Ему почему-то вспомнился вечер, когда он прибежал домой после первого трудового дня, мать обнимала его голову, прижимая к груди, и тихо говорила:

– Устал, сынок, я тебе булочку с изюмом купила, вот с молочком ее съешь. Тогда казалась жизнь вечной и радостной, а та булочка была необычайно вкусной. Для себя в душе Змитро уже принял решение, он еще не сформулировал это вслух, но вокруг него все переменялось. Он сел на телегу, прислушался, там, в деревне урчали моторы машин. «Тогда пора», – произнес он и тронул лошадь. Поехал не спеша, громко застучали колеса по деревянному настилу моста, и тут Змитро вспомнились слова Остапа, который кричал ему что-то насчет колеса. От этого воспоминания пришла улыбка. Телега простучала колесами половину моста и остановилась. Возница слез с телеги, что-то сделал с колесом, оно покатило, стукнулось о перила, упало на бок, крутнулось и полетело в речку. За колесом с интересом и затаенной мыслью наблюдала пара глаз, подувал ветерок, лошадь стояла спокойно, будто и не было жары. Возница недолго копался в своих пожитках, подошел к лошади и стал ее распрягать. А по мосту уже с треском ехал мотоцикл с коляской, он подъезжал к телеге. Возница ударил вожжами лошадь, та нехотя отошла на несколько шагов. Мотоцикл остановился у телеги, из коляски вылез немец и направился к вознице, были слышны крик и ругань, возница разводил руками и показывал на речку, он, видимо, пытался объяснить, что туда упало колесо. Подъехала легковая машина, немец подбежал к ней и что-то докладывал, из подъехавшей грузовой машины выскочило несколько солдат и направились к телеге. И в этот момент над рекой раздался оглушительный взрыв. Часть моста с телегой, мотоциклом, машинами исчезли в воде, следующая машина передними колесами зависла над водой и кренилась на бок, из ее кузова выпрыгивали люди. Некоторые кинулись с моста в воду и старались уплыть от страшного места. Другие бежали по мосту плотной толпой, немцы пытались их остановить, им удалось в начале моста часть людей задержать, раздавались немецкие команды, в их рядах восстановился порядок. На уцелевшей части моста лошадь с обезумевшими глазами силилась встать на передние ноги и снова падала, потом застучала копытами по настилу и затихла.

Глава девятая

На другой стороне Титовки трое с автоматами с раннего утра, укрывшись недалеко от моста, вели за ним наблюдение, вернее сказать, один наблюдал, а двое в это время отдыхали. Они ожидали человека, который на лошади должен был привезти мощную мину. Требовалось ночью ее установить с этой стороны моста (с противоположной стороны мина уже была установлена) и взорвать мост. Мост большого значения не имел, но, по данным разведчиков, немцы в ближайшие дни планировали в этих местах карательную операцию и, в случае вступления с ними в бой, перебросить подкрепление быстро не получилось бы. Предполагалось, что человек через мост переедет в первой половине дня и поэтому эти трое никакого беспокойства не проявляли. Несколько их озадачила музыка, доносившаяся из деревни, что виднелась на том берегу. А потом, тот, что наблюдал в бинокль, тревожно зашептал:

– Там немцы.

Второй, по-видимому, старший, взял бинокль посмотрел минуту-другую и чуть прополз вперед. Уже невооруженным глазом было видно, что там, в деревне, немцы, и они сгоняют куда-то людей. Старший вернулся и взволнованно подтвердил, что там немцы.

– Откуда они взялись и что задумали? – задал он вопрос то ли себе, то ли своим товарищам. Дальше все молчали, а события на той стороне разворачивались молниеносно. На мост въехала телега, и в ней сидел тот человек, которого они ожидали. Он зачем-то остановил лошадь и стал ее распрягать. От взрыва все трое прижались к земле, и на миг у них возникло желание скорее убежать от этого места, но, осмотревшись, они поняли, что часть моста уничтожена и на этой стороне лежит только раненая лошадь, которая бьется в предсмертных судорогах. На другой стороне моста раздавались крики убегающих людей, команды немцев и урчание машин, которые задним ходом отъезжали от рухнувшей части моста.

– Надо уходить, скоро здесь могут появиться немцы, – прервал повисшую тишину старший. Они быстро стали отползать, пересекли дорогу и только им известной тропой добрались до леса, дальше их путь лежал в отряд.

Взрыв на мосту наделал немало шума, были разбиты около десятка немецких солдат и среди них офицер, а еще он спутал намеченные планы и немцев, и партизан. Как только доложили коменданту района о взрыве, немцы спешно сформировали из эсэсовцев специальную команду и, усилив ее полевой жандармерией, направили в Гребени. Было решено карательную операцию начать завтра утром.

Для партизан стало ясно, что над местными жителями близлежащих деревень нависла смертельная опасность. Надо было как можно скорее свертывать семейные лагеря, собирать людей из деревень и уводить в безопасное место. Чтобы задержать немцев, командование отряда решило устроить на пути их следования засады небольшими группами и в бой основными силами по возможности не ввязываться. Было сформировано три группы по семь человек, и они в сумерках, вооружившись автоматами с патронами на несколько дисков, гранатами, ушли к местам засад. Ночью в Гребенях прогремел мощный взрыв, и часть моста, которая примыкала к дороге, что вела к деревне, разметало по речке, а из воды остались торчать только деревянные сваи.

Остап встал, как всегда, рано, справился со своими хозяйскими делами и засобирился в лес. Он дольше обычного возился с лаптями, то пожимало палец на ноге, то веревка плохо затягивала лыковые ушки, то портянка не ложилась ровно и терла ногу, не к добру это, пришла мысль Остапу. Он вышел и направился к лесу короткой дорогой, по тропинке. Надо было посмотреть, не пора ли собирать бессмертник, что рос у самого леса. Желтые невысокие стебельки с такими же маленькими цветочками борového бессмертника, они уже казались сухими, стало быть, пора их собирать, вот только надо посмотреть, какая сейчас луна будет на ночном

небе, решил Остап и направился к месту с земляникой, которое он посмотрел вчера. Быстро насобирав ягод, передохнул и с легкостью зашагал домой.

Выходя из леса, он услышал незнакомый шум, прислушался, увидел, что там, внизу, у речки поднимался сизый дым и отчетливо различался гул моторов. Из-за склона показался мотоцикл с коляской, в которой сидел немец в каске, потом легковая машина, за ней грузовая, потом еще три. Грузовые машины были покрыты тентом, это немцы и их, похоже, немало, обеспокоенно подумал Остап. Он спрятался за кусты и прилег, лежал, не шевелясь, сдерживая в себе волнение и страх. От этой немчурь хорошего ожидать не приходится, и куда они в такую рань, что им здесь надо, не давала покоя тревожная дума, и Остап с беспокойством следил за удаляющимися машинами. Надо уходить отсюда, мелькнула у него мысль, только куда уходить, если вон в деревню поехали столько немцев.

Эта и другие, одна беспокойнее и страшнее другой, набегали чередой мысли. Остап повыше приподнял голову, пытаясь разглядеть, что там делается, в деревне. Сейчас, подумал он, кто увидит приближающиеся машины, станет убегать в лес, чтоб затаиться. Другие будут прятаться в гумно или сарай и наблюдать, что происходит, с надеждой ожидая, что немцы поедут дальше. Остап видел, что немцы в Однобочке не остановились, а пыль поднималась уже за деревней возле погоста. Это успокоило его, страх исчез, как и не было ничего, но домой идти не хотелось, Остап находил разные причины, чтобы подольше остаться в лесу. Долго сидел в бору, вспоминая вчерашний разговор с Змитром. До боли знакомое чувство вины испытал он и сам. Оно, как мутная вода в выгоре, поднималось изнутри, заполняя все тело тяжестью. Остапа обескураживало и сильнее давило к земле то, что он не смог бы, наверное, никому рассказать об этом вот так, как поведал ему о своей душевной боли Змитро.

Домой он вернулся к вечеру, вокруг было тихо и как-то пустынно. Остап долго сидел под поветью, будто кого-то ожидая, во двор к Федору идти он не решался, но ему хотелось сказать, что он приказание выполнил. И очень он надеялся услышать, что делать дальше. Кольнуло в сердце, Остап вдохнул и задержал дыхание, прошла минута, другая, сердце снова неслышно стучало в груди, и в этот момент он вдруг вспомнил о письме от старшего сына, которое ему привезли еще тогда, в мирное время, те двое – военный и гражданский. Он запечатанное письмо положил за божницу без намерения когда-либо прочитать его. Остап подхватился и кинулся в хату, стал дрожащей рукой шарить за божницей, его охватил страх, что письмо пропало, поставил плетеную табуретку, встал на нее и стал двумя руками искать письмо. Оно лежало у самой стенки, он успокоился, аккуратно раскрыл, сложенный треугольником листок. Он был исписан на одной стороне ровными буквами. Остап зажег лампадку и, близко наклонившись к ней, стал медленно читать, «Тата, здравствуй. Может так случиться, что мы с тобой никогда не свидимся. Я бы всей душой очень хотел бы побыть в нашей хате, посидеть с тобой. У меня на тебя, тата, нет никакой обиды, а ты прости меня, что со злом накричал на тебя. Очень прошу тебя, тата, простить меня. Кольку, брата младшего, видел недавно, он тоже просит у тебя прощения, сильно просит. У меня все нормально, больше писать не могу, прощай, тата, и еще раз прошу, прости меня. Твой сын Демид». Даты, когда написано, в конце не было.

Остап опустил на табуретку, задул лампадку, в груди снова сдавило и не давало дышать, хотелось быстрее выйти во двор.

– Демидка, сын мой, простил я тебя и Кольку простил, давно, давно, простил, – шептал Остап, пытаясь встать с табуретки, по его щекам текли слезы. Он так и остался сидеть, держа в руке исписанный листок, шевеля губами, но слов разобрать было невозможно. Невидимая тяжесть давила на плечи, ноги, голову, ему хотелось лечь, он бы, может, и лег здесь, возле табуретки на полу, как послышался скрип двери. Остап сложил письмо и сунул его в карман. В дверь тихо постучали,

– Кто там? – негромко спросил Остап.

– Это я, – открывая дверь, произнес Федор. – У тебя, Остап, дверь в сенцы почему-то открыта, – и, не дожидаясь ответа на свой вопрос, тревожно зашептал:

– Завтра здесь могут быть каратели, лучше из деревни уходить, сейчас семейные лагеря уводят в другое место, ты знаешь, где они находятся, иди прямо сейчас, утром их там уже не будет. В Гребенях устроили ярмарку, а потом была облава, много людей похватали, да тот человек, что ты встретил, мост взорвал с немцами. Они сейчас злые, полсела сожгли. Так что надо уходить, мне некогда, надо еще в несколько дворов забежать, будь здоров, я побежал, – и, выходя за дверь, добавил:

– Встретимся там, в отряде.

Остап так и не произнес ни одного слова, растерянно стоя посреди своей хаты. Когда тихо звякнула закрывающаяся дверь в сенцах, до него стали доходить сказанные Федором слова: тот человек мост взорвал с немцами. А как же он сам, хотелось спросить Остапу, он топтался на месте, не зная, что делать дальше. Как все вдруг переменилось, стало неважным письмо, боль в сердце, земляника и бессмертники. Федор сказал, что надо уходить, куда и зачем ему уходить? Мне здесь хорошо, здесь мой двор, я ничего никому плохого не сделал, и тут возникло в груди то жжение. А жжение, оно-то от той злобы на сынов, на жену. Вот ты, Остап, и признался себе в том, о чем не мог подумать раньше. А Змитро рассказал свою беду и взорвал мост с немцами, у него уже, наверное, не жжет в груди, рассуждал сам с собою Остап, стоя посреди своей хаты. Он вышел во двор, в стороне, где были Гребени, были видны сполохи, похоже, там горят хаты. Пришла такая мысль, а что, если завтра придут каратели, как говорил Федор, и здесь всю деревню сожгут, мало ли они пожгли уже, а сколько народу поубивали, и что они за люди такие. Но сколько бы ни задавал себе вопросов Остап, перед ним вставал вопрос: «Оставлять хату или остаться здесь?» Он засунул руку в карман и ощутил письмо Демидки, это определило все его сомнения. Остап закрыл дверь на засов и, не раздеваясь, лег на кровать, сон пришел быстро.

Глава десятая

Еще засветло лучший подрывник и минер отряда Федька Стецов с веселым смехом и прибаутками уводил свою группу на встречу с этими проклятыми фрицами, как он их называл. Группе предстояло пройти по лесным тропам не менее десяти километров, взорвать заложенные фугасы под опорами моста через Титовку, устроить засаду на пути возможного следования карателей, по возможности заминировать дорогу и сдерживать их продвижение. Ноша у каждого была нелегкой: кроме патронов к автоматам и гранат, несли за плечами в мешках взрывчатку и мины. Еще час назад Федька был в штабной землянке и получал задание от начальника штаба отряда Михаила Федосовича, тот был сосредоточен и даже суров. В землянке было несколько партизан, и Федька сразу после доклада о прибытии уже собирался произнести свою знаменитую фразу «Живы будем, не помрем» – и тем самым подчеркнуть свою близость с начальником штаба, но, встретив взгляд Михаила, сразу осекся и замолчал. Со слов начальника штаба получалось, что можно через день здесь ожидать фрицев, и нужно увести людей и, главное, не дать карателям окружить отряд.

– Тебе, Стецов, поручается особое задание – взорвать мост через Титовку, в эту ночь должны подготовить взрыв моста с той стороны. И любой ценой задержать как можно дольше этих фрицев на дороге, что ведет из Лесного. Не дать им развернуться до следующего вечера.

– Мы им устроим такой концерт, что заслушаются, раскрыв рты, мы им «Катюшу» споем, – улыбаясь во весь рот, заговорил Федька, и все, кто был в землянке, заулыбались. Начальник штаба подошел к Федьке, протянул руку и уже серьезным тоном добавил:

– Смотри, Федька, эти каратели специально подготовлены для борьбы с партизанами, так что будьте настороже, времени мало, возьмите побольше боеприпасов и выступайте.

Уже перед самым выходом в землянку, где жили подрывники, вбежал запыхавшийся связной от командира отряда и протянул Федьке записку. В записке сообщалось, что на середине моста днем прогремел взрыв и мост разрушен, в Гребенях много немцев, подрыв заложенных фугасов остается на решение командира.

– Ух ты, и кто же это такой смелый и прыткий – днем мост взорвал, – с затаенной завистью, прочитав записку и присвистнув, произнес Федька.

Сейчас, шагая впереди группы, Федька нет-нет, да и задавал себе вопрос: «Кто же это сорвал ему такую феерическую операцию и что делать дальше? Если не взрывать опоры, то надо будет обходить Гребени, чтобы не нарваться на немцев, а это протопать лишних километра три-четыре по лесу. С другой стороны, группа его не маленькая, и будет непросто проскользнуть мимо деревни незамеченными, к тому же напуганные взрывом фрицы будут начеку. Настроение у Федьки испортилось, он в самом начале этой затеи ощущал какую-то тревогу и настороженность. Уже в сумерках они начали обходить стороной Гребени, и, казалось, Федька смирился с провалом феерической операции, но тут верный его напарник Антон задал провокационный и с ехидцей вопрос:

– Что, будем вокруг Гребеней по лесочку прохладиться, а фрицы пусть с моста окрестности обзрывают?

Федька остановился как вкопанный, он в мгновение принял решение разделить группу: он пойдет к мосту и подорвет те фугасы, а остальные пусть топают вокруг деревни.

– Со мной Петро и Вася, а остальные идут вокруг Гребеней, ты, Антон, старший, встречаемся на рассвете у одинокой сосны, что за Однобочкой, если что, выбирайте место для засады, и будем гонять фрицев по лесам, знаки для распознавания прежние.

Антону ничего не оставалось, как сказать:

– Есть командир, все будет исполнено как по нотам.

Федька молча пожал Антону руку, и они втроем скрылись в уже сгустившейся темноте.

Ночью возле Гребеней в районе моста прогремел сильный взрыв, вспыхнуло несколько осветительных ракет, поднялась стрельба и вскоре стихла.

Все прошло как по нотам, как любил выразаться Антон, и от этой мысли Федька улыбнулся, но времени расслабляться не было, впереди еще ждала длинная дорога. Они миновали Однобочку, когда рассвет уже занялся в полную силу и идти к сосне не было смысла. Опять испортилось настроение, надо было искать Антона, и Федька ускорил шаг, вскоре они снова, соблюдая осторожность, продвигались вдоль речки. Федька рассчитывал установить на дороге пару мин и недалеко от того места устроить засаду. По его расчетам, фрицы могли появиться в начале дня, а это давало возможность передохнуть и по возможности поискать Антона. Они стали пробираться к дороге, и тут произошло неожиданное. В десятке метров Федька увидел немца в пятнистой одежде, ему на миг даже показалось, что они встретились взглядами. Федька нажал на спусковой крючок автомата на какую-то долю секунды раньше, чем увиденный им фашист, прыгнул в сторону, перекатившись через плечо, оказался на земле. Не мешкая, он достал гранату, бросил ее вперед, раздался взрыв, Федька вскочил и не своим голосом закричал:

– Фрицы, уходим.

Он слышал, как кто-то бежал за ним, это придало ему сил и уверенности. Пробежав с полкилометра, он упал, тяжело дыша, рядом с ним упал и Вася, Пети не было. Послушав минутную другую, Федька прокричал удадом, это был их условный сигнал, и издавать его умел только Федька, в ответ обычно раздавался свист коноплянки, но было тихо. Полежав еще и успокоившись, они, посмотрев друг на друга и, не сказав ни слова, перебежками двинулись назад по своим следам. Петя лежал недалеко в луже крови, дыхание его было прерывистым, Федька стал расстегивать ему рубашку, пытаясь наложить на рану марлевый тампон, Петя застонал, открыл глаза и тихо произнес:

– Это ты, Федя? Где мы?

– Ты спокойно, Петя, все будет хорошо, мы тебя мигом доставим в отряд, а там, ты сам знаешь, как быстро лечит раны наша врачиха Петровна.

– Вы не бросайте меня одного, я боюсь этих фрицев, они над мамой моей издевались, я боюсь их.

– Тихо, Петя, мы тебя ни за что не оставим, вот сейчас перевяжу тебя и понесем в отряд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.